

Профессор Д.Д. Гримм и борьба за академические свободы в России в начале XX в.

Михаил Ковалёв

Professor D.D. Grimm and the struggle for academic freedoms in Russia in the early twentieth century

Mikhail Kovalev (Yu.A. Gagarin Saratov State Technical University, Russia)

Представления об академических свободах и их границах на протяжении истории существенно менялись. В России на рубеже XIX–XX вв. они были неотделимы от понятия «университетская автономия», которую значительная часть интеллектуальной элиты считала главным условием развития университетской науки. Борьба учёных корпораций за свои права традиционно привлекала внимание как отечественной, так и зарубежной историографии. Появившиеся в последние годы исследования показывают, что проблемы, связанные с расширением или ограничением академических свобод и университетской автономии, по-прежнему вызывают широкий интерес у учёных¹. Сохраняют они и общественную значимость². Однако существенный шаг вперёд в изучении университетской культуры едва ли возможен без отказа от шаблонов и стереотипов, а также без новых методологических подходов и расширения источниковой базы. К числу документов, нуждающихся ещё в осмыслении, относятся воспоминания профессора Давида Давидовича Гримма (1864–1941) «Из жизни Государственного совета», рукопись которых, хранящаяся в Историческом архиве Эстонии, долгое время оставалась неизвестной и невостребованной³. Между тем их автор был одним из активнейших участников борьбы

© 2016 г. М.В. Ковалёв

Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 15-18-00135, и РГНФ, проект № 16-31-01046a2.

¹ См.: Университет и город (начало XX века) / Под ред. Т. Маурер и А. Дмитриева. М., 2009; Расписание перемен: очерки по истории образовательной и научной политики в Российской империи – СССР (конец 1880-х – 1930-е годы). М., 2012; Вишленкова Е.А., Галиуллина Р.Х., Ильина К.А. Русские профессора: университетская корпоративность или профессиональная солидарность. М., 2012; Сословие русских профессоров. Создатели статусов и смыслов / Под ред. Е.А. Вишленковой и И.М. Савельевой. М., 2013; и др.

² См., например: Михель Д.В. Университетская интеллигенция и бюрократия: борьба за университетские свободы в постсоветской России // Неприкосновенный запас. 2007. № 1. С. 153–170; Косовица, или хроника К^о-злодеяний нынешнего ректората СГУ / Сост. и ред. В. Глейзер. Саратов, 2008; Ректориада: хроника административного произвола в новейшей истории Саратовского государственного университета (2003–2013) / Авт. и сост. А. Иванов, М. Ковалёв, В. Мирзеханов и др. Т. I–II. New Providence, 2014.

³ Шор Т.К. Неопубликованные мемуары профессора Давида Гримма // Балтийский архив: Русская культура в Прибалтике. Т. VI. Рига, 2000. С. 76–92; Шор Т.К., Ковалёв М.В.,

за академические свободы и весьма заметной фигурой в общественной жизни России начала XX в.

Д.Д. Grimm – потомственный дворянин, сын академика архитектуры, одного из создателей «русского стиля» Давида Ивановича Гримма (1823–1898) был с ранних лет вовлечён в культурную и интеллектуальную жизнь петербургского общества, что во многом предопределило его дальнейший путь. Примечательно, что два его брата – Герман и Эрвин – также добились больших успехов: первый продолжил дело отца и стал архитектором, второй выбрал научную стезю, профессионально занявшись всеобщей историей. Давид Давидович поступил на юридический факультет Санкт-Петербургского университета, после окончания которого в 1885 г. недолго поработал сенатским чиновником, а затем вернулся в *alma mater*. Его путь в науку начался со стажировки в Русском институте римского права при Берлинском университете, куда он был отправлен Министерством народного просвещения для обучения у немецких правоведов Г. Дернбурга, А. Перница и Э. Экка⁴. Под их влиянием Grimm приобрёл навыки исследовательской работы, познакомился с достижениями европейской мысли и увлёкся изучением римского права, которым будет заниматься всю свою жизнь.

Впоследствии современники называли Гримма «типичным добросовестным учёным немецкой выучки»⁵. В 1889 г. он успешно сдал магистерские экзамены, удостоился звания приват-доцента по кафедре римского права; преподавал сперва в Дерптском университете⁶, а в 1891 г. перешёл в Императорское Училище правоведения, где читал лекции до октября 1905 г.⁷ Вернувшись в столицу, Grimm усердно взялся за подготовку магистерской диссертации. После её защиты в 1893 г. для него открылись двери на юридический факультет Санкт-Петербургского университета. В 1899 г. он был назначен экстраординарным профессором по кафедре римского права и уже на следующий год подготовил докторскую диссертацию «Основы учения о юридической сделке в современной доктрине пандектного права», что позволило ему в сентябре 1901 г. перейти в разряд ординарных профессоров. Вскоре его избрали деканом юридического факультета, а 1 марта 1910 г. – ректором. 1 января 1910 г., по представлению весьма консервативно настроенного министра народного просвещения А.Н. Шварца, Д.Д. Grimm был произведён «за отличие» в действительные статские советники⁸. Его очевидно ценили не только в кадетской партии, к которой он примкнул в 1906 г., но и в правительственных сферах.

Это было непростое время в истории российских университетов, охваченных студенческими беспорядками и интеллектуальным брожением. Власти ви-

Воронезцев А.В. Давид Давидович Grimm и его воспоминания // Историческая память и стратегии российско-немецкого межкультурного диалога. Сборник научных трудов / Под ред. М.В. Ковалёва и И.Р. Плеве. Саратов, 2015. С. 72–92.

⁴ *Томсинов В.А.* Давид Давидович Grimm (1864–1941). Биографический очерк // *Grimm Д.Д.* Лекции по догме римского права. М., 2003. С. 21; *Карцов А.С.* Русский институт римского права при Берлинском университете (1887–1896) // Древнее право. *Ius antiquum*. 2003. № 2(12). С. 120–144.

⁵ *Гессен И.В.* В двух веках. Жизненный отчёт // Архив русской революции, издаваемый И.В. Гессеном. Т. XXII. М., 1993. С. 301.

⁶ *Ajalooarhiiv Eesti*, f. 402, n. 2, s. 527, l. 1a; s. 526, l. 16p, 19p.

⁷ Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга, ф. 355, оп. 1, д. 3849, л. 1, 3, 6 об., 104.

⁸ РГИА, ф. 1405, оп. 528, д. 51, л. 8 об.

дели в высшей школе оплот революционного движения и прибегали к репрессивным мерам. Grimm, будучи человеком либеральных убеждений, подобным представлениям и действиям не сочувствовал, но в равной степени ему был чужд и студенческий радикализм. Он выступал поборником академических свобод и активно сопротивлялся попыткам властей вмешиваться в университетские дела. Ещё в конце XIX в. его взгляды привлекли внимание Департамента полиции. 8 февраля 1895 г. на студенческой вечеринке в честь годовщины основания Санкт-Петербургского университета приват-доцент Grimm заявил в своей речи: «Теперь... нас всячески стесняет вмешательство министерства и правительства, и для того, чтобы образование можно было направить так, как нам желательно, как мы находим нужным для блага народа, нужно добиться права открыто и свободно говорить то, что мы считаем нужным и полезным»⁹.

Не следует забывать, что в то время «само понятие автономии было неразрывно связано с русским освободительным движением»¹⁰. Стеснение её воспринималось как посягательство на интеллектуальную свободу и прогресс. Особое неприятие вызывали у Grimma «походы против выборных ректоров» после революции 1905–1907 гг. Так, обвинили в бездействии, проявленном во время студенческих волнений, и отстранили от должности ректора Новороссийского университета математика И.М. Занчевского. Подобная участь, вероятно, ожидала и Е.В. Пассека, вынужденного уйти в отставку, хотя именно благодаря его авторитету и такту, проявленному на посту ректора, Юрьевский университет был единственным в России, где в годы Первой русской революции не прерывались занятия. Не без иронии Grimm писал много лет спустя: «С таким же основанием можно было бы предать суду всех выборных ректоров и директоров высших учебных заведений, занимавших эту должность в течение указанного времени, независимо от их левизны или правизны. И не только их, но и глав всех ведомств, в ведении которых находились в то время те или иные высшие учебные заведения: все министры тогда умывали руки и проснулись только после того, как революционная волна схлынула»¹¹. С точки зрения Grimma, репрессивная политика в отношении интеллектуальной элиты лишь обостряла взаимоотношения власти и образованного общества и ухудшала положение в университетах. Живым воплощением административного произвола для либеральных профессоров служил министр народного просвещения Л.А. Кассо, с приходом которого, по словам Grimma, «наступила эра бессмысленного, преступного разрушения русских университетов»¹². Министру, как известно, благоволил и глава правительства П.А. Столыпин, и сам Николай II¹³.

Возмущало Grimma и поведение барона М.А. Таубе, видного специалиста в области международного права и тоже выпускника юридического факультета Санкт-Петербургского университета, занявшего при новом министре пост товарища. Таубе как человек умный, образованный и проникательный прекрасно

⁹ ГА РФ, ф. 102, дп. ОО, оп. 227, д. 431, л. 1 об.

¹⁰ *Ростовцев Е.А.* 1911 год в жизни университетской корпорации (власть и Петербургский университет) // Кафедра истории России и современная отечественная историческая наука / Отв. ред. А.Ю. Дворниченко. СПб., 2012. С. 475.

¹¹ *Ajalooarhiiv Eesti*, f. 2100, n. 2, s. 150a, l. 26.

¹² *Ibid.*, l. 27.

¹³ О взглядах П.А. Столыпина и Л.А. Кассо на университетский вопрос см.: *Ардабацкий Е.Н.* Реформа Университетского устава в период деятельности кабинета П.А. Столыпина // П.А. Столыпин: традиции реформирования России. Саратов, 2012. С. 66–80.

понимал изъяны российской бюрократической системы, но, будучи встроеным в неё, не пытался что-либо менять. Grimm не понимал, как мог вчерашний университетский профессор, наделённый огромными способностями, пойти против своей alma mater, против коллег и студентов. Действия Таубе казались ему аморальными. Неудивительно, что отношения двух учёных не сложились¹⁴. В мемуарах, написанных в 1929–1930 гг., Grimm не мог сдержать раздражения. «Верным помощником министра во всём, что он делал для разложения Петроградского университета, служил его товарищ, барон М.А. Таубе, – писал Давид Давидович, – сам бывший профессор Петроградского университета, избранный на эту должность тем же юридическим факультетом, которому он впоследствии тщательно помогал наносить удар за ударом. По внешности он представлял прямую противоположность Л.А. Кассо. Сам министр был весьма внушительного роста, барон Таубе – ниже среднего. Это подало неунывающим россиянам повод говорить: “Министр у нас Кассос, а товарищ его – Малокассос”. Умственно он был много ниже его. В нравственном отношении он являлся достойным партнёром своего шефа»¹⁵.

1911 год ознаменовался вереницей чёрных событий в жизни российских университетов. В начале января по инициативе Кассо были изданы министерские циркуляры «О надзоре за учащимися высших учебных заведений» и «О временном недопущении публичных и частных студенческих заведений», ограничивавшие права студентов¹⁶. В университетах эти распоряжения восприняли как прямое нарушение академических свобод. В знак протеста 28 января 1911 г. ректор Московского университета А.А. Мануйлов подал в отставку. За ним последовали другие представители университетской администрации. В феврале 1911 г. свои кафедры добровольно покинули В.И. Вернадский, А.А. Кизеветтер, М.М. Новиков, Д.М. Петрушевский, К.А. Тимирязев, П.Н. Лебедев и др. Кассо удовлетворил 131 прошение об отставке¹⁷. Ушедших профессоров, занимавших должности по выбору совета, заменили назначенные министерством (их тут же прозвали «кассовцами»)¹⁸.

В Петербурге обстановка также накалялась. Grimm всеми силами пытался удержать ситуацию под контролем. «Я пишу это в полном сознании ответственности за каждое сказанное мною слово, – вспоминал он много лет спустя. – Мне, как тогдашнему ректору Петроградского¹⁹ университета, истинное положение в университете и общее настроение профессуры было совершенно ясно. Я не стану утверждать, что среди профессоров и в частности среди т[ак] н[азываемых] младших университетских преподавателей не было вовсе безот-

¹⁴ Ковалёв М.В. Профессор Д.Д. Grimm и барон М.А. Таубе: два взгляда на академические свободы // Историческая память и стратегии российско-немецкого межкультурного диалога: сборник научных трудов. С. 93–109. Примечательно, что в воспоминаниях Таубе, созданных в 1950-е гг., Grimm характеризовался как «хотя и левый, но весьма уравновешенный и справедливый декан» (Таубе М.А. «Зарницы»: воспоминания о трагической судьбе предреволюционной России (1900–1917). М., 2007. С. 150).

¹⁵ Ajalooarhiiv Eesti, f. 2100, n. 2, s. 150a, l. 72.

¹⁶ Иванов А.Е. Российские императорские университеты под управлением министерства народного просвещения (1880-е годы – начало XX века) // Расписание перемен... С. 72–73.

¹⁷ Иванов А.Е., Кулагина И.П. Русская профессура на рубеже XIX–XX веков // Российская история. 2013. № 2. С. 52.

¹⁸ Ajalooarhiiv Eesti, f. 2100, n. 2, s. 150a, l. 30.

¹⁹ В воспоминаниях Grimm достаточно свободно использовал менявшиеся в разное время географические названия. В его тексте нередко соседствуют «Петербург» и «Петроград», «Дерпт» и «Юрьев», и т.д.

ветственных элементов, горячих голов, не отдающих себе отчёта в серьёзности положения. Мне самому приходилось некоторых из них удерживать от необдуманных шагов. Но я определённо утверждаю, что подавляющее большинство профессуры и младших преподавателей, независимо от политической окраски, было абсолютно лояльно и ставило жизненные интересы университета вне всяких политических симпатий и антипатий. Этого, между прочим, не мог не знать барон М.А. Таубе, который в то время состоял ещё профессором Петроградского университета»²⁰. Студенты, протестуя против действий Столыпина и Кассо, прибегли к забастовке и срывали занятия, распылив зловонные жидкости и газы. Grimm такие действия решительно осуждал и считал категорически недопустимыми. Когда в конце января 1911 г. в университетских коридорах появились красные флаги и антиправительственные лозунги, он распорядился приостановить учебный процесс, чтобы не допустить расширения беспорядков и неминуемого подавления их полицией²¹.

Grimm руководствовался при этом ст. 17 Университетского устава 1884 г., предоставлявшей ректору право в чрезвычайных обстоятельствах принимать все необходимые меры для поддержания порядка в университете, даже превышая свои полномочия²². Однако, узнав об этом, Кассо вызвал Grimma к себе на квартиру и потребовал возобновить чтение лекций. Никакие объяснения и доводы ректора на него не действовали: «Он продолжал гарцевать на своём коне. Было совершенно очевидно, что этим человеком владела одна только мысль и одно чувство: кровная обида, что его обошли, и неудержимое желание отличиться, показать верхам, что кто-кто, а он справится с университетом и раздавит гидру, чего бы это ни стоило. Вся безответственность его натуры, весь глубокий внутренний цинизм её ярко выступали наружу. Как тетерев, он повторял всё одни и те же слова: я не имел права отдавать такое распоряжение, и он немедленно отменит его»²³. Контролировать соблюдение порядка Кассо предоставил полиции.

30 января 1911 г. университет вновь был открыт, но радикально настроенные студенты попытались сорвать лекции. Тогда полиция арестовала 400 человек. Университет остался под охраной и в последующие недели, жизнь в нём замерла, число студентов стало минимальным, и профессора порой читали в полупустых аудиториях. Возбуждённая «учащаяся» молодёжь публично оскорбляла уважаемых учёных, например С.А. Жебелева и М.И. Ростовцева, обвиняя их в конформизме. Grimm тяжело переживал происходившее и страдал от ощущения собственного бессилия. По воспоминаниям, он вышел к студентам со слезами на глазах и сказал, что его власть в университете кончилась, отныне всё решает полиция²⁴. С Кассо Grimm прекратил всякое личное общение и поддерживал лишь деловую переписку²⁵. В начале февраля Давид Давидович встретился со Столыпиным и попросил, чтобы полиция без разрешения ректора не появлялась в университетских коридорах. Тот ничего не обещал, но просьбу в итоге выполнил²⁶.

²⁰ Ajalooarhiiv Eesti, f. 2100, n. 2, s. 150a, l. 29.

²¹ Томсинов В.А. Указ. соч. С. 24.

²² Общий Устав Императорских российских университетов 1884 года. Харьков, 1911. С. 11.

²³ Ajalooarhiiv Eesti, f. 2100, n. 2, s. 150a, l. 65.

²⁴ Ананьич Б.В. И.И. Толстой и петербургское общество накануне революции. СПб., 2007. С. 109–110; Ростовцев Е.А. 1911 год в жизни университетской корпорации... С. 494.

²⁵ Ajalooarhiiv Eesti, f. 2100, n. 2, s. 150a, l. 66.

²⁶ Ростовцев Е.А. 1911 год в жизни университетской корпорации... С. 495.

Будучи противником любого радикализма – и студенческого, и правительственного, – Grimm, как юрист, всегда предпочитал бороться в пределах правового поля. Столичные власти также не желали обострения ситуации. Петербургский градоначальник Д.В. Драчевский и полицмейстер В.Ф. Галле «если и не согласовывали с профессорами свои действия по наведению “порядка”, то предупреждали администрацию университета обо всех более или менее крупных полицейских акциях»²⁷. Нельзя не признать, что обе стороны пытались найти компромисс. Полиция находилась в постоянном контакте с Grimmом. Городские власти, как правило, удовлетворяли его просьбы об освобождении задержанных в ходе полицейских облав студентов²⁸.

Тем не менее, испытывая постоянное давление со стороны властей и не видя возможности дальше исполнять обязанности ректора, Grimm в сентябре 1911 г. подал прошение об отставке. Оно было удовлетворено, что не помешало Давиду Давидовичу сохранить должность ординарного профессора. Новым ректором в декабре был избран его брат, профессор Э.Д. Grimm²⁹.

Одной из форм давления на профессуру со стороны Министерства народного просвещения в то время являлся перевод неугодных лиц в провинциальные университеты. Так, летом 1911 г. в Юрьев был переведён профессор гражданского права М.Я. Пергамент. В 1912 г. в Киев переехал профессор истории римского права И.А. Покровский. Замещение кафедр на конкурсной основе было фактически прекращено. Теперь их стали занимать исключительно по усмотрению министра³⁰. Grimm считал такую практику противоречащей букве закона и здравому смыслу, недоумевая: «Если профессор не годился в качестве университетского преподавателя в одном университете, то почему он мог годиться в качестве такового в другом?»³¹.

Политику Министерства народного просвещения не одобряли и многие высокопоставленные сановники. Наиболее влиятельным союзником Grimma в борьбе с Кассо оказался В.Н. Коковцов, возглавивший Совет министров после гибели Столыпина. В то время Grimm уже перестал быть ректором, но по-прежнему продолжал принимать активное участие в судьбе университета, особенно – в жизни юридического факультета. К Коковцову он относился с явной симпатией и впоследствии отмечал в мемуарах: «Из всех премьер-министров, с которыми мне приходилось сталкиваться, граф отличался наибольшей доступностью и предупредительной любезностью»³².

Grimma беспокоило тогда замещение вакансий на кафедрах энциклопедии и истории философии права (занимавший её Л.И. Петражицкий, став депутатом I Государственной думы, перешёл в число сверхштатных ординарных профессоров без содержания, а после подписания Выборгского воззвания вообще вынужден был покинуть университет) и торгового права, освободившейся после смерти П.П. Цитовича. Кассо планировал назначить на них соответственно профессоров Ф.В. Тарановского (из Юрьева) и В.М. Гордона (из Харькова). Но

²⁷ Ростовцев Е.А. Университет столичного города (1905–1917 годы) // Университет и город (начало XX века). С. 287.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же. С. 501.

³⁰ Ajalooarhiiv Eesti, f. 2100, n. 2, s. 150a, l. 34.

³¹ Ibid., l. 35.

³² Ibid., l. 72.

оба учёных ответили, что готовы принять предложенные им должности лишь в случае избрания университетом. Больше Кассо к ним не обращался.

Либеральная профессура боялась, что министру удастся установить полный контроль над факультетом, на котором уже преподавали его ставленники: Н.Н. Розин, А.А. Пиленко, а также В.Ф. фон Зелер и В.А. Удинцов, заменившие Пергамент и Покровского. Как писал Гримм: «Уже самый факт, что эти лица согласились занять кафедры устранённых из университета профессоров, бросал густую тень на них. Поведение их в факультете только усилило отрицательное к ним отношение: на каждом шагу сказывалось, что на первом месте для них стоит не интерес науки и учебного дела, не охрана достоинства университета, а личная воля министра, клевретами которого они являлись»³³. Необходимо было в скором времени заместить вакансии. Поскольку Петражицкий и приват-доцент А.И. Каминка, по поручению факультета читавший лекции по торговому праву, отказались выставить свои кандидатуры, члены факультетского и университетского советов решили представить на утверждение министерства Тарановского и Гордона, надеясь, что Кассо не сможет возражать против предоставления кафедр тем, кому он сам их недавно предлагал.

Гримм думал, что нельзя «факт избрания, совершённый на точном основании закона, считать каким-то криминалом»³⁴. Однако, зная о мстительном упорстве министра, он решил заручиться поддержкой в верхах и обратился к Коковцову, передав ему в ходе беседы специальную записку с изложением всех обстоятельств конфликта. «Граф, — вспоминал профессор, — очень внимательно выслушал меня, поблагодарил за подробную и своевременную информацию, и заявил, что он обратит особое внимание на дальнейшее движение дела»³⁵. Однако даже Коковцову не удалось повлиять на министра, пользовавшегося полным доверием императора. Кассо не утвердил Тарановского и Гордона, назначив вместо них абсолютно лояльных В.М. Грибовского и С.П. Никонова.

9 февраля 1912 г. министр народного просвещения разослал циркуляр, заставлявший приват-доцентам читать лекционные курсы, тематически совпадающие с профессорскими. Университетский устав 1884 г., отстранивший, как иронизировал Гримм, профессоров от всего, кроме лекций и семинариев³⁶, сохранял известную «свободу преподавания» и «свободу учения». На деле это выражалось в том, что преподаватели самостоятельно определяли содержание лекций их кафедры, приват-доценты могли объявлять курсы по своему усмотрению, а студенты имели возможность свободного выбора лектора. По мнению Гримма, соперничество между профессорами и приват-доцентами поощрялось для того, чтобы «создать на местах кадры не только зависимых, но и постоянно чувствующих свою зависимость от министерства лиц, из-за конкуренции недоброжелательно друг к другу настроенных и друг за другом следящих»³⁷. Это обеспечивало контроль за преподаванием и позволяло легко заменять строптивых учёных лояльными. Но, пользуясь данной практикой, студенты могли в знак протеста игнорировать назначенных профессоров, записываясь на альтернативные курсы приват-доцентов. Дабы избежать подобных демон-

³³ Ibid., I. 74.

³⁴ Ibid., I. 76.

³⁵ Ibid., I. 77.

³⁶ Гримм Д.Д. Видимая законность и скрытое усмотрение // Вестник Европы. 1913. Кн. 2. С. 272.

³⁷ Там же. С. 275.

страций, министерский циркуляр фактически лишал учащихся права выбора, закреплённого в ст. 73 устава 1884 г.

Совет Петербургского университета усмотрел в действиях министра нарушение закона и обратился в Сенат, добиваясь отмены распоряжения, не соответствующего нормам устава. Однако Сенат не нашёл оснований для жалобы, отметив 1 декабря 1912 г. в своём определении, что в ст. 73 говорится лишь о праве выбора студентами лекционных курсов, а не о том, могут ли приват-доценты дублировать профессоров. Кроме того, указывалось, что правом обращаться в Сенат с ходатайством о толковании закона обладают только министры и главноуправляющие отдельными частями. Grimm был возмущён позицией сенаторов и едко критиковал её на страницах «Вестника Европы»: «Разве предписание, основанное на неправильном толковании закона, на намеренном или ненамеренном извращении смысла его, в меньшей степени нарушает волю законодателя, выразившуюся в законе, или ведёт к менее нежелательным (с точки зрения закона) последствиям, чем предписание, которое “положительно противоречит прямому постановлению закона, т.е. отменяет его”? Практический результат в обоих случаях один и тот же: закон нарушен»³⁸.

Необходимо учесть, что такие обвинения бросал в печати профессор, избранный в феврале 1907 г. членом Государственного совета от Императорской академии наук и российских университетов, лидер Левой (академической) группы «верхней палаты». В эту же группу, в разное время включавшую от 13 до 20 человек, входили и московские профессора А.А. Мануйлов и В.И. Вернадский. Когда оба они в 1911 г. подали в отставку, протестуя против политики Кассо, их тут же исключили из состава Государственного совета, как утративших профессорский ценз, а значит, и право представлять интересы академической курии. Grimm тогда тщетно пытался возражать против создания такого прецедента³⁹.

В конце июля 1913 г., отдыхая на живописном баварском курорте Фишеним-Альгой, Grimm получил письмо, в котором барон Таубе сообщал ему о переводе из Петербургского университета в Демидовский юридический лицей в Ярославле. В этом случае Grimm выбывал из состава Государственного совета, поскольку лицей не пользовался правом участия в выборах его членов⁴⁰. В своём официальном, тяжеловесном, перегруженном отсылками к различным правовым актам, но в то же время очень ёмком ответе профессор указывал: «Такого права устранения выборных чл[енов] Г[осударственного] с[овета] не сохранила за собой даже верховная власть при изд[ании] нового Учр[еждения] Гос[ударственного] с[овета] 1906 г., тем менее оно может быть признано за подчинёнными органами управления. С точки зрения указанных соображений, всякий перевод, помимо собственного согласия, кого-либо из выб[орных] чл[енов] Г[осударственного] с[овета], состоящих на государственной службе, а тем более перевод, связанный с лишением ценза, как это предполагается, согласно письму В[ашего] прев[осходительства], в данном случае, представляется несогласным со смыслом и духом закона»⁴¹.

³⁸ Grimm Д.Д. Видимая законность и скрытое усмотрение. С. 283.

³⁹ Ajaloarhiiv Eesti, f. 2100, n. 2, s. 150a, l. 31–33.

⁴⁰ Ibid., l. 38.

⁴¹ Копия письма сохранилась в архиве историка М.А. Дьяконова, близкого друга Д.Д. Гримма: Архив РАН, ф. 639, оп. 1, д. 173, л. 39–39 об.

Признавая основательность таких возражений, Кассо 3 августа 1913 г. распорядился перевести Гримма в Харьковский университет. Если бы и на этот раз Давид Давидович отказался уехать из Петербурга или же подал в отставку, как это сделали Пергамент и Покровский, ему пришлось бы покинуть Государственный совет, но, находясь в Харькове, он не мог участвовать в его заседаниях. «Ввиду коллизии долга общественного с долгом служебным, — писал Гримм ректору Харьковского университета, — коллизии, созданной помимо и против моей воли, я считаю своим нравственным и политическим долгом продолжать возложенную на меня доверием моих избирателей работу в Государственном совете в полном объеме этой работы; это лишает меня возможности одновременно исполнять мои профессорские обязанности в Харьковском университете»⁴². При этом он просил, чтобы на время проживания в столице его перевели из штатных в сверхштатные ординарные профессора без содержания, предоставив другому кандидату возможность занять кафедру. Тем самым соблюдалась все необходимые формальности. Однако уже через полгода Гримма обвинили в том, что он не объявлял и не читал лекции в течение учебного года, а 31 января 1914 г. Кассо написал ему: «Я считаю долгом уведомить Ваше превосходительство, что Министерство народного просвещения, в устранении такого, совершенно недопустимого отношения к своим обязанностям, решило ныне уволить Вас от означенной, лишь формально занимаемой Вами, должности с причислением к Министерству народного просвещения»⁴³. О своём решении министр незамедлительно известил Государственную канцелярию.

7 марта 1914 г. Таубе по поручению Кассо специально явился на заседание Государственного совета и наблюдал за происходящим из правительственной ложи. Барон не сомневался в том, что нужное министерству решение будет принято, и говорил одному из членов совета: «Мы его уволили, а они должны признать его выбывшим»⁴⁴. Результаты голосования оказались для Таубе полной неожиданностью: 56 человек высказались за прекращение полномочий Гримма, а 98 — против. Барону оставалось лишь удалиться. «Это был серьёзный симптом и серьёзное предостережение, — вспоминал Давид Давидович. — В Государственном совете стало просыпаться чувство гражданственности, идущее на смену психологии угодничества. Дальнейших попыток к изъятию выборных членов Совета более не было сделано»⁴⁵. 26 ноября 1914 г. Кассо скончался, а Гримм продолжал заседать в верхней палате вплоть до краха Российской империи, даже несмотря на то, что в апреле 1915 г. он был по прошению уволен со службы⁴⁶.

После Февральской революции Давид Давидович был назначен товарищем министра народного просвещения, однако вскоре вернулся в Петроградский университет на прежнюю должность ординарного профессора римского права. В 1919 г. его арестовали чекисты, но быстро отпустили. Поняв, что оставаться в Советской России стало опасно, в 1920 г. Гримм вместе с семьёй тайно выехал в Хельсинки, где включился в антибольшевистское движение⁴⁷, затем, видимо,

⁴² Ibid., l. 39.

⁴³ ГА РФ, ф. 1807, оп. 1, д. 414, л. 1–1об.

⁴⁴ Там же, ф. 564, оп. 1, д. 1655, л. 6; Ajalooarhiiv Eesti, f. 2100, n. 2, s. 150a, l. 44.

⁴⁵ Ajalooarhiiv Eesti, f. 2100, n. 2, s. 150a, l. 45.

⁴⁶ Ibid., s. 150, l. 49; РГИА, ф. 1405, оп. 528, д. 51, л. 11 об.

⁴⁷ См.: Черняев В.Ю. Кронштадтские повстанцы, белая эмиграция и антибольшевистское подполье Петрограда // Нансеновские чтения 2008. СПб., 2009. С. 17–38.

разуверившись в успехе борьбы, отправился в Париж, а в 1922 г. занял кафедру римского права в Русском юридическом факультете, открывшемся незадолго до этого в Праге. С энтузиазмом вернувшись к научной и преподавательской работе, он подготовил несколько новых учебных пособий, в 1924–1927 гг. занимал пост декана и одновременно являлся заместителем председателя Русской академической группы, членом Русской учебной коллегии, Русского института и других организаций⁴⁸.

Между тем ещё в 1920 г., когда Grimm покинул Петроград, его, благодаря хлопотам профессора И.М. Тютрюмова, пригласили занять место ординарного профессора римского права в Тартуском университете. Тогда Grimm ответил, что «никогда не изъявлял согласия на избрание меня профессором Дерптского университета» и «лишён возможности принять названную должность»⁴⁹. Но к 1927 г. Русский юридический факультет себя исчерпал, и Grimm принял повторное предложение, поступившее из Тарту. «Я с благодарностью принимаю избрание меня ординарным профессором на вакантную кафедру системы римского права в Дерптском университете», – писал он 29 января 1927 г.⁵⁰ Там Давид Давидович проработает вплоть до выхода на пенсию в 1934 г. В марте 1931 г. Министерство юстиции и внутренних дел Эстонии удовлетворило прошение профессора о получении гражданства⁵¹.

Grimm принимал активное участие в русской общественной жизни, долгое время состоял членом приходского совета тартуского Успенского собора, был председателем местного отдела Русского национального союза, пользуясь большим авторитетом в республике. Его семидесятилетие широко отмечалось в интеллектуальных кругах, торжественное чествование было устроено на годовом общем собрании Академического союза юристов, проходившем под руководством профессора А. Пийпа. Зимой 1937 г. Grimm участвовал в работе Национального собрания Эстонии, созданного для выработки и принятия новой конституции⁵². О последних годах жизни учёного известно крайне мало. Скончался он 29 июля 1941 г. в Риге, вскоре после захвата её немецкими войсками, и был похоронен на Покровском кладбище⁵³.

Д.Д. Grimm был убеждён, что только свободные от административного давления университеты, обладающие широкими академическими свободами, могут стать залогом динамичного развития империи. Поэтому он последовательно, хотя и безуспешно, указывал на губительность политики Л.А. Кассо, видя в ней явное нарушение «Временных правил» 27 августа 1905 г., закреплявших университетскую автономию (право избрания ректора и его помощников, деканов и секретарей факультетов).

⁴⁸ Ковалёв М.В. Русские историки-эмигранты в Праге (1920–1940 гг.). Саратов, 2012. С. 76, 126, 129, 139, 161, 183, 190, 193, 197; Ковалёв М.В., Мирзеханов В.С. Давид Давидович Grimm // Вопросы истории. 2016. № 1. С. 27–29.

⁴⁹ Ajalooarhiiv Eesti, f. 2100, n. 2, s. 150, l. 6

⁵⁰ Ibid., l. 12.

⁵¹ Riigiarchiiv, f. 14, n. 12, a. 4375, l. 10.

⁵² Шор Т.К. Указ. соч. С. 79.

⁵³ Tēvija. Rīga, 1941. 30. jūlijs. № 26.